

*Юган Н. Л.,
доктор філологічних наук, професор,
професор кафедри мирової літератури і російського мовознавства
Луганського національного університету імені Тараса Шевченка*

СКАЗКИ В. И. ДАЛЯ В ПАРАДИГМЕ ЖАНРА

Аннотация. В статье проведён анализ прозаических сказок В.И. Даля 1830-х гг. в сравнении с подобными опытами писателей-сказочников эпохи (А.С. Пушкина, П.П. Ершова, А.Ф. Вельмана, О.М. Сомова, Н.А. Полевого).

Ключевые слова: литературная сказка, фольклор, литературные параллели, фантастика, сказ.

Постановка проблемы. Одним из основных жанров, в котором работал В.И. Даль в 1830-е гг., является прозаическая литературная сказка. Он написал знаменитый сказочный цикл «пяток первый» «Русских сказок» (1832 г.). В данной жанровой парадигме работали и его современники.

Современный исследователь жанра литературной сказки Л.В. Дереза утверждает, что сомовские сказки, для которых характерны верность фольклорному первоисточнику, последовательная имитация народного стиля, восходят к далевским «Русским сказкам... 1832 г.» [1, с. 139]. Этой же точки зрения придерживались И.П. Лупанова и З.И. Власова [2, с. 381; 3, с. 341]. Данное мнение восходит к рецензии Н.А. Полевого (Моск. телеграф. – 1833. – № 4. – С. 598), в которой критик возводит стилевые особенности сказок О.М. Сомова («В поле съезжаются...») и «О Никите Вдовиниче») к В.И. Далю. Не все современники считали это мнение справедливым, в частности Н.Н. Трубицын утверждал, что О.М. Сомов явился в отношении некоторых стилевых приёмов не последователем, а предшественником В.И. Даля [4, с. 62]. Об этом говорят и некоторые литературоведы нашего времени [5, с. 508]. Сопоставительный анализ сказочного творчества Казака Луганского в литературном контексте (А.Ф. Вельман, А.С. Пушкин, П.П. Ершов, Н.А. Полевой, В.Ф. Одоевский и др.) в науке не проводился.

Цель статьи – проанализировать прозаические сказки Казака Луганского 1830-х гг. в сравнении с подобными опытами писателей-сказочников эпохи.

Изложение основного материала исследования. У В.И. Даля и А.Ф. Вельмана в творчестве 1830-х гг. мы видим трансформацию фольклорных сюжетов, использование мифов, соотношение в повествовании реальности и фантастики. Рассмотрим указанные особенности на конкретных примерах.

Взаимодействие сказочного и исторического пластов характерно для сказок «пяток первого» В.И. Даля. В «Роговолоде и Могучане» впечатляет внезапное обретение царевичами исторических имён – Рюрик, Синав и Трувор. Фантазия автора не безгранична: историческое время подтверждается цитатой из «Повести временных лет» («земля наша велика и обширна, а порядку в ней нет: идите владеть и княжить ею, и творите суд и правду») [6, с. 56; 7, с. 36]. Стремление лжеродителей погубить малолетних царевичей в сказке Казака Луганского подразумевает обычные в России расправы с будущими наследниками престола. В сказке «О чёрте-послушнике» нечистая сила пишет письмо своему начальнику Сидору Стопоклёпу, а передаёт послание в преисподнюю через человека, имя которого не

названо, но из описания ясно, что это Наполеон. В приписке упомянут Александр I как «оной северной страны повелитель». По мнению Ю.П. Фесенко, «прихотливая игра исторического и сказочного времени в цикле укрупнила великую сермяжную правду о противостоянии крестьянства и власть имущих, фольклора и официальной идеологии» [8, с. 97]. В «Илье Муромце» Казака Луганского былинный и летописный хронотопы тонко совмещены: время крещения Руси Владимиром Святославичем – эпоха активной деятельности русских богатырей. События национальной истории мифологизируются, а миф приобретает черты реальности. В сказке в свёрнутом виде присутствует проблема разобщённости русских князей вследствие феодальной раздробленности [8, с. 67].

Отличительной особенностью прозы А.Ф. Вельмана, как и В.И. Даля, является эксперимент с жанрами. Для его творчества характерны «фольклорно-исторические романы», своеобразные «романы-сказки» [9, с. 11–12; 10, с. 7]. Но, по сравнению с далевскими опытами, вельмановские творения гораздо большего объёма.

Вельмановский роман «Кощей Бессмертный» (1833) имеет подзаголовок «былина старого времени». Он соответствует реализованному в сказке В.И. Даля «Илья Муромец» пониманию жанра. Соотношение сказочного (фантастического) и реалистического пластов в этом произведении в принципиальном плане сходно с приведёнными выше примерами из сказочного творчества Казака Луганского. В основу сюжета романа А.Ф. Вельмана положено предание о нескольких поколениях рода Олега Путы и похождениях последнего богатыря этого рода Ивы Омельковича. Нелепости реального мира принимают в сознании героя романа форму сказочной ситуации, а действие развивается сразу в двух планах – реально-историческом и сказочно-фантастическом. Отсюда жанровое и стилевое смещение, которое А.Ф. Вельманом ещё более подчёркивается смещением языковых стилей, норм литературного языка, включением единиц устной народной речи, славянизмов, цитат из «Слова...», летописей. Но основой остаётся все-таки сказка с её установкой на вымысел. Причём у А.Ф. Вельмана сказочны не только отдельные сюжеты или приёмы, но и образы главных героев.

Подзаголовок романа «Святославич, вражий питомец» (1835 г.) – «диво времён Красного Солнца Владимира», не формален: роман построен на сюжетах народных сказаний, поверий, фольклорных и летописных легенд. Легенда становится основным материалом для писательского воображения, движущей силой всего повествования. И в данном случае работа А.Ф. Вельмана сопоставима с поэтикой «Ильи Муромца» В.И. Даля. Вместе с тем в вельмановском романе двухплановость повествования становится нарочитой. Наряду с историческими персонажами (князьями Ярополком, Владимиром, Конунгом Эриком) в романе действуют Царь-девицы, русалки,

царь Омут, Бабушка-повитушка, а в основе сюжета лежит романтическая «ситуация двойников»: «питомец» нечистой силы, Святославич, как две капли воды похож на князя Владимира, герой вступает в борьбу. Такой приём В.И. Даль использовал в сказке «О Роголоде и Могучане». По духу, по принципам введения фантастических персонажей, восходящих к быличкам, вельтмановское произведение напоминает пьесу Казака Луганского «Ночь на распутье».

При всей близости к поэтике сказок Казака Луганского в фольклорно-этнографических романах А.Ф. Вельтмана отрыв от фольклорно-мифологического сюжета более принципиальный и глобальный.

Обоих авторов привлёк образ Емели из русских народных сказок: у В.И. Даля сказка «О Емеле-дурачке» (1835 г.), у А.Ф. Вельтмана роман «Новый Емеля, или Превращения» (1845 г.). Писатели сатирически изображают современное общество, вводят сказочных персонажей в реальную обстановку. В главном герое произведения А.Ф. Вельтмана – Емельяне Герасимовиче, узнаётся сказочный Емеля-дурачок. Писатель проводит его через события Отечественной войны 1812 г., превращая то во французского генерала, то в шута, то в богатого наследника, то в русского барина-реформатора. Емеля так и остаётся «доброй душой», наивным, светлым человеком, который не приемлет лжи и наличия у людей «второго дна», и судьба оказывается по отношению к нему милосердна. В произведение органично включаются сказочные мотивы – образы Бабы Яги, Змея Горыныча [11, с. 90–92, 166–171] и др. Тем не менее, новый «Емеля» – не только сказочный, но и социально-психологический роман, в котором звучит сатира (критика крепостнической действительности и помещицкой аристократии). Сказка же В.И. Даля «Емеля», несмотря на обогащение сатирическими и бытовыми элементами, так и остаётся сказкой.

Отличительными особенностями прозы В.И. Даля и А.Ф. Вельтмана являются простонародный язык повествования, смешение разных стилей. Близость В.И. Даля ощущается у А.Ф. Вельтмана в стиливых приёмах, прежде всего, введении просторечной лексики. Подобные новации прозаиков одинаково отрицательно воспринимались критиком О.И. Сенковским (Библ. для чт., 1834 г.), который писал, например, об авторе «Лунатика»: «Нет сомнения, что можно иногда вводить в повесть просторечие; но всему мерею должны быть разборчивый вкус и верное чувство изящного: а в этом грубом, сыромятном каляканье я не вижу даже искусства!» [12, с. 10–11]. Но ни А.Ф. Вельтман, ни В.И. Даль не прислушались к критике журнального «авторитета», упорно продолжали вводить в свои произведения «сыромятное каляканье», а зачастую и фонетическое восприятие устной народной речи задолго до того, как это было принято в фольклористике и диалектологии.

Безусловно, эксперименты В.И. Даля и А.Ф. Вельтмана в прозе 1830-х гг. (у А.Ф. Вельтмана и 1840-х гг.) близки.

Далевские прозаические сказки перекликаются со стихотворными сказками своего времени. В первую очередь, необходимо отметить близость созданных на основе устного народного творчества образов. Так, А.С. Пушкин в «Сказке о царе Салтане», «О золотом петушке», П.П. Ершов в «Коньке-Горбунке», В.И. Даль в «Иване Молодом Сержанте» создают образ жестокого, несправедливого, глупого царя. А.С. Пушкин в «Сказке о царе Салтане» и В.И. Даль в «Сказке об Иване...» – образ мудрой девы, а в сказках «О мёртвой царевне» и «О Строевой дочери» – кроткой падчерицы. У Казака Луган-

ского в «Емеле-дурачке» и у П.П. Ершова в «Коньке-Горбунке» главными героями становятся ловкие простаки, хитрецы, дураки, скрывающие под маской свой острый ум. Наконец, у А.С. Пушкина («Сказка о царе Салтане») и В.И. Даля («Об Иване...») возникает образ мудрой жены-помощницы, которая, помимо мудрости, наделена чувством собственного достоинства, высокой активностью, обладает сильным характером, беспощадна по отношению к врагам главного героя.

Наблюдается идейно-тематическое сходство сказочных произведений разных авторов. В «Сказке о рыбаке...» А.С. Пушкина и сказке «О Георгии Храбром...» В.И. Даля содержится сатира на несправедливое общественное устройство. В произведениях П.П. Ершова «Конёк-Горбунок» и В.И. Даля «Об Иване...» социальный конфликт народного сказочного сюжета усиливается тем, что позитивные персонажи оказываются противопоставленными не только царю, но и всему его окружению: продажным, раболепствующим перед царём и ненавидящим Ивана придворным.

Характерны использованные авторами стихотворных сказок и В.И. Далем художественные приёмы. В «Сказке о медведихе» А.С. Пушкина (1830 г., неоконч. и неопубл.) [14] и «Сказке о Георгии Храбром...» В.И. Даля рассказано о похоронах животных (при этом введён отрывок в жанре плача), авторы видят героев-животных как бы на социальной лестнице. У А.С. Пушкина, П.П. Ершова и В.И. Даля есть совпадения и в характере обработки сказочных сюжетов: смещение граней волшебной и бытовой сказок, переплетение бытового и фантастического планов, иронический подтекст, сказовая манера письма, имитация устного исполнения и др.

Подобную близость опытов авторов сказок 1830-х гг. можно объяснить общностью интересов и сходством в понимании народности. Это становится очевидным на фоне сказок, созданных подражателями А.С. Пушкина и П.П. Ершова [2, с. 171–177, 228–231, 241–245, 271–279]. В каждом конкретном случае при проведении сюжетных параллелей и выявлении совпадений в использовании писателями образов, характеристик, стиливых особенностей мы не говорим о влияниях выдающихся сказочников друг на друга. Все они как прекрасные знатоки русского сказочного фольклора пришли к созданию сходных образов в силу одинакового отношения к народно-этическому материалу, что, в свою очередь, обуславливается родством их демократических позиций. Названные поэты и Казак Луганский сумели проникнуть в художественную природу народной сказки, отобрав самые существенные жанровые черты, углубив и заострив их.

Как и В.И. Даль, О.М. Сомов собирает фольклор и популяризирует его. При этом устное народное творчество обоими авторами рассматривается как важнейшее средство познания «духа» народа и создания национальной самобытной литературы. Внимание к украинскому фольклору у О.М. Сомова сочетается со всё углубляющимся интересом к устному народному творчеству русской нации («Кикимора», «Оборотень», «Сказание о храбром витязе Укромне-табунщике», «Сказка о медведе Костоломе и об Иване, купецком сыне» и др.). У В.И. Даля, безусловно, обратное соотношение: преобладают сюжеты русского фольклора, а украинских среди них незначительное количество («Ведьма»). В русском народном творчестве О.М. Сомова особенно привлекали героические темы. В своих произведениях он стремился к реконструкции героического прошлого русской истории и старинных черт быта, т. е. ориен-

тировался на жанры былины и богатырской сказки. Отметим, что у В.И. Даля подобные сюжеты, темы и идеи также присутствуют, но не доминируют. Сказки авторов о богатырских подвигах персонажей близки: их авторы обращаются к народному эпосу (былинны мотивы, образы и ситуации), живописуют героический характер, создают былинный сказ, органично используют пословицы и поговорки (у О.М. Сомова «Сказание о ... Укроме Табунщике», «В поле съезжаются, родом не считаются», «Сказка о медведе-костоломе», у В.И. Даля «Илья Муромец», «О Милонеге»).

О.М. Сомов кладёт в основу большей части своего сказочного творчества несказочную прозу – былички, легенды, предания, поверья («Купалов вечер» (1831 г.), «Бродящий огонь» (1831 г.), «Киевские ведьмы» (1833 г.), «Недобрый глаз» (1833 г.), «Русалка» (1829 г.), «Сказка о кладах» (1829 г.), «Оборотень» (1829 г.), «Кикимора» (1829 г.) [13, с. 92–115, 144–227]). Казак Луганский гораздо реже обращался к быличкам (в интродукции «Новинки-диковинки», пьесе «Ночь на распутье», сказке «Ведьма», «Сказке о кладах»). В.И. Даль использовал тех же героев, что и О.М. Сомов (русалка, ведьма, оборотень), и их характеристика, естественно, совпала, т. к. восходит к устному народному творчеству.

Многими образами и ситуациями далевская «Ведьма» перекликается с сомовским «малороссийским преданием» «Киевские ведьмы». Главный герой рассказа О.М. Сомова Фёдор Блискавка, как и Остап Пушкар у В.И. Даля, – «лихой казак», «молодость, красота и завзятость» которого заставляют киевлянок «поглядывать на него с лукавой усмешкой» [13, с. 97]. Сходны в обоих произведениях слухи и сплетни о невесте казака и попытки «добрых людей» предостеречь героя от женитьбы на ведьме. Киевская ведьма у О.М. Сомова – молодая девушка, мать которой научила её колдовству и заставляла летать на шабаш на Лысую гору.

Вместе с тем последующее развитие действия и развязка в данных произведениях наглядно показывают противоположные установки писателей при изображении реальной действительности и использовании фольклорного материала. О.М. Сомов разрабатывает сюжет народного предания в духе романтизма. Вся «сказка» овеяна таинственностью, фантастическое описание шабаша ведьм сочетается со странным и трагическим финалом: Катруся Ланцюговна высосала всю кровь казака, а затем сама была сожжена ведьмами на Лысой горе. У В.И. Даля народные поверья о ведьме органично вплетены в сюжет народной сказки с её конечным торжеством добра над злом. Сказочные образы и ситуации, пронизанные неиссякаемым народным юмором, неизменно находят своё отражение в реальности. Жизнеутверждающий характер «Ведьмы» усиливается концовкой: «Ну баба <...> теперь справляй пир на весь мир; что заработано в год, сыпь на стол в день. Руки здоровы, ноги целы; сыну мий, Ивашко, дома, а с ведьмы, с аспидской, может уже давно черти лыки дерут; она не страшна боле, так Господь благословит нас опять. А чумаковать пойду, возьму и сына с собою: пусть поживёт, как люди живут, свету побачит, пусть порадуется простору нашему, погуляет...» [14, IV, с. 198].

Используя несказочный фольклор, О.М. Сомов, в отличие от В.И. Даля, редко обращается к собственно сказочным сюжетам. Так, на рубеже 1828–1829 гг., когда Казак Луганский создал сказку «Сила Калиныч», О.М. Сомов напечатал произведение «Оборотень» с подзаголовком «народная сказка». Но это повествование было сродни фантастическим повестям Н.В.

Гоголя из «Вечеров на хуторе близ Диканьки», в которых воспроизводился поэтический мир мифологии, народных преданий и легенд. В конце 1829 г. О.М. Сомов пишет две коротенькие сказки, тезисно излагая фольклорные сюжеты («Сказание о ... Укроме-табунщике» и «Сказка о медведе Костоломе...»), затем возвращается к привычной для себя романтической манере («Сказка о кладах», «Кикимора»).

Далевская сказка «Про жида и про цыгана» может быть сближена с сомовскими произведениями «Гайдамак (Малороссийская быль)» и «Гайдамак (Главы из малороссийской повести)». Текстам обоих авторов присущ украинский колорит, в него включено описание Воздвиженской ярмарки. В них сходна характеристика евреев (хитрость, обман, страх перед гайдамаком Гаркушей), обоих героев можно охарактеризовать при помощи цитат: «Бог отнял у нас силу и смелость, а мы поневоле взялись за хитрость и пронырство <...>», «но так сильна была в еврее страсть к прибытку, что он пошёл бы на явную опасность, если бы знал, что, избегнув её, получит барыш» [13, с. 26, 32]. Эпизод повести «Гайдамак (Малороссийская быль)» О.М. Сомова [13, с. 22–37] напоминает «первое похождение» далевской сказки «Про жида и цыгана». Еврей Абрам очень боится Гаркушу; цыганёнок завёл его в ловушку, чтобы передать в руки гайдамакам, часть которых переодета купцами. В результате гайдамаки наказывают героя за жадность и предательство. У В.И. Даля лукавый «хохол» Иван избивает «жида» Ицьку, имитируя нападение гайдамаков. Хотя Казак Луганский не называет имени гайдамака, которого боится Ицька, однако близость ситуации позволяет предположить, что это легендарный Гаркуша. Таким образом в текст В.И. Даля исподволь включается известное произведение О.М. Сомова, опирающееся, в свою очередь, на фольклорные легенды, предания, анекдоты.

В сказках В.И. Даля и О.М. Сомова в одно и то же время появляются сказовые интонации, обращения к читателям, единичные пословицы в речи сказочника («Оборотень. Народная сказка» (1829 г.) и «Сказка о Никите Вдовиче» (1832 г.) [13, с. 205–206, 209, 232, 241, 245]), сказочные формулы, типичные рифмованные концовки в текстах «О медведе Костоломе...» (1829 г.) и «О Никите Вдовиче» [13, с. 228, 230, 235, 240–241]). Однако приёмы создания далевского сказа богаче и разнообразнее сомовского.

В сказке «пятка первого» В.И. Даля «О Шемякином суде» использован популярнейший сюжет, существующий в виде устной сказки, сатирической повести XVII в., прозаических и стихотворных редакций, позднейшего лубочного издания [15–17]. Этот сюжет является наиболее сатирически острым и в фольклоре, и в древнерусской демократической литературе [18, с. 17–25, 147, 174–175; 19, с. 5–10, 367]. Интерпретация В.И. Даля позволяет смягчить восходящее к устному варианту противоречие между бедным и богатым и усилить идущую от сатирической повести XVII в. критику судебного произвола [2, с. 367–369; 9, с. 88].

К этому же сюжету в 1832 г. обратился и Н.А. Полевой, создав «Старинную сказку о судьбе Шемяке с новыми присказками» (1832 г.) [20]. У Н.А. Полевого и у В.И. Даля текст делится на две части: в первой – рассказ о различных околосюжетных вещах, общении рассказчиков и слушателей; во второй – собственно пересказ сюжета демократической повести. При этом Н.А. Полевой указывает на «значительную разницу в подробностях против известного печатного «Суда Шемякина»

[20, с. 251]. Сближают произведения В.И. Даля и Н.А. Полевого и описание окружения рассказчика-сказочника, его друзей, слушателей, введение ситуаций живого общения мужиков, диалогов [20, с. 235–238]. Также для текстов В.И. Даля и Н.А. Полевого характерны сказовые интонации, разговорные вкрапления. В речи сказочника Н.А. Полевого значительное количество пословиц, поговорок, рифмованных присказок и прибауток: «один дурак бросит камень в воду, а семеро умных его не вытащат», «сказка – складка», «шёл путём-дорогою, близко ли, далёко ли, низко ли, высоко ли», «скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается» и др. [20, с. 229, 231, 237, 239].

Вместе с тем наблюдаются и существенные отличия в опытах данных писателей. Так, Н.А. Полевой нагромождает в сюжете различные эпизоды достаточно значительного объёма, не связанные с основным повествованием [20, с. 231, 239, 250]. Образ сказочника Н.А. Полевого не является простонародным. Нелогичными и неестественными при обработке народного сюжета выглядят вставки об учении сказочника, при описании деревни вводится цитата из А.С. Пушкина («мальчишек радостный народ» [20, с. 230]), сказочник обращается к читателям «господа», «милостивый государь», рассказывает о «мудром Эзопе» [20, с. 230–231, 233–234] и др. Хотя в образ Казака Луганского также заложена двойственность – сочетание черт образованного человека и его крестьянина-свата, она не выглядит нарочитой.

Сказочные произведения В.И. Даля (прежде всего «пяток первый») сопоставимы с циклом В.Ф. Одоевского «Пёстрые сказки» [21]. Что роднит эти две книги? Во-первых, название, длинное, конкретизирующее, объясняющее представления автора о жанре сказки, во-вторых, сатиричность, критическое изображение современной действительности, чиновного мира. В «Сказке о том, по какому случаю коллежскому советнику Ивану Богдановичу Отношенью не удалось в Светлое воскресенье поздравить своих начальников с праздником» показана чиновничья петербургская среда, уродливость и бездуховность существования столичного чиновника средней руки. Здесь уместно вспомнить чиновничий мирок, созданный в сказке В.И. Даля «О чёрте-послушнике» (именно эта среда очень понравилась чёрту, который чувствовал себя в ней особенно комфортно). В «Сказке о мёртвом теле, неизвестно кому принадлежащем» читатель попадает в захолустный провинциальный город Реженск и соприкасается с не исполненным высоких помыслов существованием его обитателей. Фантастическая история о поисках пропавшего хозяина мёртвого тела насыщена осязаемыми бытовыми подробностями. Такой подход соответствует далевской установке на приближенность сказок к быту. Впоследствии же в творчестве В.И. Даля появятся рассказы о «мёртвом теле» уже из реальной жизни («Вах Сидоров Чайкин», «Мёртвое тело», «Лимоны, солдатский сапог и шапка» и др.).

Вместе с тем материал, а также объект, предмет обличения, художественные средства в циклах В.И. Даля и В.Ф. Одоевского существенно разнятся. В.И. Даль в своих сказках воспроизводит точку зрения простонародного сказочника Казака Луганского, который «по паркетам не хаживал», В.Ф. Одоевский – магистра, учёного человека Иринья Модестовича Гомозейки, позицию которого усложняет мнение и самого автора – князя, аристократа, своего человека в светских гостиных. Принципы создания сказочника – своеобразного двойника писателя, у В.И. Даля и В.Ф. Одоевского в целом сопоставимы, однако конкретные образы очень далеки друг от друга.

Отличает одоевские произведения от далевских то, что в цикле «Пёстрые сказки» практически нет фольклорного материала. Единственное подобное произведение, основанное на сюжете былички, – «Игоша». Однако для этой «сказки» характерен психологизм, которого мы не найдём в сказках В.И. Даля: Игошу видит ребенок, а образ, напоминающий домового народных быличек, воспринимается как игра его детского воображения.

Основной корпус сказок В.Ф. Одоевского – аллегории, пародии на иностранную литературу, философские, мистические, фантазмагорические, дидактические рассказы («Новый Жоко», «Просто сказка», «Реторта», «Сказка о том, как опасно девушкам ходить толпою по Невскому проспекту» и др.) [22, с. 5]. У В.И. Даля подобных жанров нет ни в «пятке первом», ни в «Былях и небылицах». Основой далевского жанрово-стилевого новаторства является фольклоризм, народность, реализм при изображении простонародной жизни, сказкам же В.Ф. Одоевского присущ аристократизм.

Выводы. Новаторские принципы сказочного творчества В.И. Даля: трансформация фольклорных сюжетов, использование паремий, народность, сатиричность, введение в литературную сказку образов солдата и матроса, сложный стиль – сказ в сочетании с фольклорной стилизацией, выделяются в сопоставлении с аналогичными опытами современников. Их немного: В.Ф. Одоевский, О.М. Сомов, Н.А. Полевой, Антоний Погорельский (А.А. Перовский), И.В. Киреевский, А.П. Зонтаг, И.И. Башмаков (Иван Ваненко).

Прежде всего, следует отметить родство созданных А.С. Пушкиным, П.П. Ершовым и В.И. Далем сатирических персонажей, которое явилось естественным следствием общности взглядов авторов-сказочников на идейно-художественную сущность народной сказки. Близкими и характерными подходами к написанию произведений А.Ф. Вельтманом и сказок В.И. Далем оказалось соотношение фантастики и реальности (на грани мифа, сказки, легенды, предания, с одной стороны, и бытовой, социально-психологической повести – с другой). С О.М. Сомовым В.И. Даль сближает характер обработки украинского сказочного фольклора, использования сказа как стиля. Казак Луганский и Н.А. Полевой обращаются к одному и тому же фольклорно-литературному сюжету – о судьбе Шемяке, хотя и по-разному его обрабатывают. Достаточно далеки друг от друга оказываются «сказочные» циклы В.И. Даля и В.Ф. Одоевского («Пёстрые сказки»), хотя и в данном случае уместно указать на их общность – в сатирических мотивах, в интересе к национальному фольклору, в создании колоритного образа собирателя-рассказчика.

В целом работа В.И. Даля в жанре литературной сказки находится в тесном соприкосновении с аналогичными опытами его современников. В перспективе необходимо исследовать влияние далевских сказок на развитие жанра во второй половине XIX–XX вв.

Литература:

1. Дереза Л.В. Російська літературна казка першої половини XIX століття в системі жанрів романтизму : автореф. дис. ... докт. філол. наук : спец. 10.01.02 «Російська література» / Л.В. Дереза. – Сімферополь, 2005. – 41 с.
2. Лупанова И.П. Сказочник Казак Луганский / И.П. Лупанова // Лупанова И.П. Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX в. / И.П. Лупанова. – Петрозаводск : Изд. ПГУ, 1959. – С. 336–381.

3. Власова З.И. В.И. Даль / З.И. Власова // Русская литература и фольклор (первая половина XIX в.). – Л. : Наука, 1976. – С. 338–360.
4. Трубицын Н.Н. Пушкин и русская поэзия. Библиотека великих русских писателей / Н.Н. Трубицын. – СПб., 1910. – Т. IV. – Ч. I. – 1910. – 432 с.
5. Пруцков Н.И. История русской литературы : в 4 т. / Н.И. Пруцков. – Л. : Наука. Ленингр. отд., 1981. – Т. 2 : От сентиментализма к романтизму и реализму. – 1981. – 655 с.
6. Даль В.И. Полн. собр. соч. : в 10 т. / В.И. Даль. – СПб. ; М., 1898. – Т. 9. – 1989.
7. Памятники литературы Древней Руси. Начало литературы : XI – начало XII века / сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева. – М. : Худож. лит., 1978. – 464 с.
8. Фесенко Ю.П. Проза В.И. Даля. Творческая эволюция / Ю.П. Фесенко. – Луганск ; СПб. : Альма-матер, 1999. – 262 с.
9. Кошелев В.А. Мудрая фантазия сказочника... / В.А. Кошелев // Вельтман А.Ф. Сердце и думка. Приключение / А.Ф. Вельтман. – М. : Советск. Россия, 1986. – С. 3–21.
10. Вельтман А.Ф. Романы / А.Ф. Вельтман. – М. : Современник, 1985. – 524 с.
11. Калугин В.И. Романы Александра Вельтмана / В.И. Калугин // Вельтман А.Ф. Романы / А.Ф. Вельтман. – М. : Современник, 1985. – С. 3–21.
12. Пушкин А.С. Сказка о медведихе / А.С. Пушкин // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. : в 10 т. / А.С. Пушкин. – Л., 1977. – Т. 4 : Поэмы. Сказки. – 1977. – С. 310–312.
13. Сомов О.М. Купалов вечер : избр. произвед. / О.М. Сомов ; сост., предисл., примеч. З.В. Кирилук. – К. : Дніпро, 1991. – 558 с.
14. Даль В.И. Были и небылицы Казака Владимира Луганского : в 4 кн. / В.И. Даль. – СПб., 1833–1839.
15. Васильева О.В. «Повесть о Шемякином суде» и бытование сюжета о неправедном суде / О.В. Васильева // Русский фольклор. – Л., 1989. – Т. XXV. – 1989. – С. 91–99.
16. Кузнецова В.П. «Повесть о Шемякином суде» и её стихотворные переложения / В.П. Кузнецова // Уч. зап. Калининградск. гос. ун-та. Серия «Филол. науки». – 1969. – Вып. 4. – С. 59–73.
17. Лапицкий И.П. Демократическая сатира XVII века и русское народное творчество (повесть «Шемякин суд») / И.П. Лапицкий // Уч. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена. – Л., 1954. – № 173 : Серия «Филол. науки». – Вып. 20. – С. 125–141.
18. Русская демократическая сатира XVII века. – М. : Наука, 1977. – 254 с.
19. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки : в 3 т. / А.Н. Афанасьев ; изд. подг. Л.Г. Бараг, Н.В. Новиков. – М. : Наука, 1985. – Т. 3. – 1985. – 493 с.
20. Полевой Н.А. Повести Ивана Гудошника. Старинная сказка о судьбе Шемяке с новыми присказками / Н.А. Полевой // Полевой Н.А. Мечты и жизнь / Н.А. Полевой ; сост. Б.С. Кондратьева. – М. : Советск. Россия, 1988. – С. 226–259.
21. Одоевский В.Ф. Пёстрые сказки / В.Ф. Одоевский. – СПб. : В тип. Эксп. бум., 1833. – 158 с.
22. Приложение к факсимильному изданию «Сказки Иринея Модестовича Гомозейки» / авт. вст. ст. и примеч. М.А. Турьян. – М. : Книга, 1991. – 48 с.

Юган Н. Л. Казки В. І. Даля в парадигмі жанру

Анотація. У статті проаналізовано прозові казки В.І. Даля 1830-х рр. в порівнянні з подібними дослідими письменників-казкарів епохи (О.С. Пушкіна, П.П. Єршова, О.Ф. Вельтмана, О.М. Сомова, М.О. Польового).

Ключові слова: літературна казка, фольклор, літературні паралелі, фантастика, оповідь.

Yugan N. Fairy tale of V. I. Dahl in genre paradigm

Summary. In the article the analysis of V.I. Dahl's fairy tales of 1830-s written in prose compared to similar ones of fairy tales writers of the epoch is exercised (A.S. Pushkin, P.P. Ershov, A.F. Veltman, O.M. Somov, N.A. Polovoy).

Key words: literature tale, folklore, literature parallels, fantastics, story.